

А. А. ЛИНЧЕНКО

ПРОШЛОЕ, КОТОРОЕ НЕ УХОДИТ ПАМЯТЬ О ВОЙНЕ И ХОЛОКОСТЕ В ЛИТВЕ¹

Автор рецензирует монографию Екатерины Махотиной о взаимодействии официальной исторической политики и мемориальных культур в Литве². Е. Махотина стремится преодолеть тезис радикального конструктивизма о тотальной конструируемости исторической памяти, раскрывая важную роль альтернативных культур памяти. Показано, что в историческом сознании современного литовского общества Холокост является «выученной», но не «пережитой памятью», «чужой» историей.

Ключевые слова: Литва, Холокост, память о Второй мировой войне, мемориальная культура, историческое сознание

Крушение коммунистических режимов в Восточной Европе привело не только к появлению новых государств. В Центральной и Восточной Европе начало складываться новое пространство памяти. Однако, негативное отношение к советскому историческому опыту оказалось одной из немногих объединяющих тенденций. Гораздо более явственнее проступили многочисленные конфликты памяти, которые до сих пор наблюдаются как на уровне официальной исторической политики, так и на уровне различных культур воспоминаний. Все это создает дополнительные трудности процессам формирования общеевропейской памяти, размывая ее этико-мировоззренческие основания, выявляя новые грани интерпретации исторических событий, которые уже более полувека имеют достаточно однозначную оценку.

Монография Е. Махотиной о литовском опыте трансформации воспоминаний о Второй мировой войне и Холокосте позволяет увидеть сколь сложным и противоречивым может быть вторжение трагического прошлого в современную жизнь. В книге представлены результаты первого фундаментального исследования полувекового взаимодействия официальной исторической политики и различных мемориальных культур в Литве. Конфликты памяти в постсоветской Литве вряд ли могут быть продуктивно изучены вне детального анализа противоречий исторической политики советского периода, ее деградации и девальвации в эпоху обретения независимости. В фокусе внимания автора – история мемориалов и памятников Второй мировой войны, Холокоста, а также музеев как пространств противостояния различных акторов и

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ 17-33-01056 а2 «Мифы о прошлом в современной медиа-среде: практики конструирования, механизмы воздействия, перспективы использования»

² Makhotina 2017. Ссылки на страницы книги см. в скобках.

мемориальных практик, другими словами – эволюция материальной памяти о Второй мировой войне и ее отражение в коммеморативных практиках Литвы в советское и постсоветское время.

Рост интереса к социальной памяти в последние десятилетия превратил эту тему в объект междисциплинарных исследований и позволил выделить *memory studies* в отдельное направление, находящееся на пересечении философии истории, социологии, социальной психологии, немецкой дидактики истории, интеллектуальной истории и истории повседневности. Е. Махотина очень внимательно отнеслась к современным тенденциям в области теории коллективной памяти и мемориальных культур (*Erinnerungskulturen*). Исследования Алейды Ассман, Джеффри Олика, Мишеля Фуко, Патрика Хаттона, Поля Рикера, Астрид Эрл, Вульфа Карсштайна позволили автору книги выработать продуктивную методологическую стратегию и соотнести ее с огромным фактологическим материалом. Это особенно важно в свете определенных недостатков, присущих современной литературе по коллективной памяти. Как отмечается, одним из них является отсутствие полноценных компаративных исследований, далеких как от предельно общих высказываний, лишаящих коллективную память специфических характеристик, так и от сосредоточенности на частных формах коллективных воспоминаний³. Еще один недостаток – это преувеличенное представление о конструируемости коллективной памяти. «Прошлое в некоторых отношениях и при определенных обстоятельствах упорно сопротивляется попыткам перекроить его»⁴. Книга Махотиной – удачная попытка преодоления этих недостатков.

Прежде всего автор обращается к вопросу об универсальности и гомогенности советского дискурса памяти. В книге показано, что, несмотря на характерные для СССР тенденции к унификации и централизации пространства памяти, литовская партийная элита действовала достаточно независимо, что нашло выражение в стремлении к использованию элементов литовских национальных традиций при создании мемориальных комплексов (S. 120). Стремясь к национальной консолидации и легитимации советской власти, литовская правящая элита пыталась объединить жителей Литвы, в т.ч. на основе памяти о Великой Отечественной войне. Как и повсюду в СССР, в Литве речь шла о героической борьбе литовского народа против немецко-фашистских оккупантов, но здесь, отмечает автор, литовские власти столкнулись с дефицитом героического сопротивления немцам. Ставка была сделана на героический культ советско-литовских коммунистов и партизан. Наиболее ярким подтверждением этой тенденции стало создание музея

³ Брубейкер 2012. С. 291.

⁴ Schudson 1989. P. 107.

Революции, где, например, партизанское движение было представлено как проявление дружбы народов в Литве (S. 151). Особый интерес представляет анализ советских мемориалов, посвященных жертвам и страданиям населения на территории Литвы: мемориал Пирчюпис, девятый форт в Каунасе и мемориал Аблинга. Подчеркивается неоднородность мемориальной культуры Литвы того времени: «культура памятников о Второй Мировой войне отнюдь не была монолитной или единой. Однако разнообразие эстетических форм военных памятников подтверждает лишь разнообразие среды их создателей. И, хотя идеология чётко проявляла себя в определённых элементах культуры памяти, тот факт, что деревенские скульпторы были допущены к возведению военного памятника, имеет особое значение по двум причинам: во-первых, фигуры из дерева возникли буквально из ствола дерева, т.е. непосредственно в процессе работы и, во-вторых, что скульпторы работали без какого-либо проекта или наброска» (S. 185). Советские военные мемориалы в Литве рассматриваются автором в контексте общеевропейских и советских тенденций строительства мемориалов.

Одним из ключевых противоречий литовской памяти о Второй мировой войне в советский период является память о еврейских жертвах. Современные исследователи⁵ неоднократно подчеркивали, что здесь приходится иметь дело с особым случаем. Нигде в оккупированной нацистами Европе массовые убийства евреев не происходили с такой быстротой и при такой массовой поддержке местного населения. Особость литовского случая состоит также в том, что лишение евреев гражданских прав, геттоизация и их физическое уничтожение происходили не поэтапно, как в других странах Европы, а синхронно. Большинство литовских евреев были убиты в своих домах или неподалеку от родных мест, причем, ключевую роль в этом сыграло литовское население. В литературе отмечается, что в течение 1941–1944 гг. было уничтожено 96% еврейского населения Литвы, около 200 тыс. чел. Основная их масса (более 137 тыс. чел.) была уничтожена уже до декабря 1941 г.⁶ Махотина детально реконструирует возникновение и развитие материальной памяти об уничтожении евреев, трансформацию отношения советских властей, тщетные попытки представителей еврейской общины в мемориализации Холокоста на территории Литвы. Наиболее ярко особенности мемориализации Холокоста в Литве видны на примере советского еврейского музея, просуществовавшего всего четыре года (1945–1949). Музей появился и существовал исключительно на энтузиазме и добровольном труде его сотрудников – бывших узников Вильнюсского гетто и партизан. Он располагался в здании бывшей

⁵ См. подробнее: Porat 1994; Levin 1996.

⁶ Bubnys 2008. P. 42.

тюрьмы гетто, а его коллекция собиралась при поддержке бывших узников: был собран уникальный материал из их личных вещей, рассказов о пережитом. Однако в ходе сталинской антисемитской кампании и репрессий в отношении членов Антифашистского Комитета музей был ликвидирован. Формально речь шла о его реорганизации в «Вильнюсский краеведческий музей». Часть экспонатов была передана в Историко-Революционный музей и другие музеи республики. В историческом здании тюрьмы был открыт техникум. Автор книги отмечает, что в советское время память о евреях присутствовала в «деформированном» виде. В развитии специфически еврейской памяти советские власти увидели риск развития еврейского исторического сознания. «Иерархическое изображение жертв войны базировалось на ключевой идее советской музейной инсценировки, в соответствии с которой вначале и прежде всего изображались пленные коммунисты. Евреи, как правило, не замалчивались, но из многочисленных групп жертв войны они являлись в дискурсе о жертвах войны лишь его одной группой» (S. 176).

Не менее противоречивой оказалась историческая политика современной Литвы. Постсоветским правительствам Прибалтики было важно показать нелегитимность советской власти. Возложение всей полноты ответственности на коммунистов не могло не найти отражения и в сфере исторической политики. Именно этому посвящена большая часть работы. Автор последовательно разбирает несколько ключевых кейсов: музейные репрезентации Второй мировой войны в Литве после 1990 г., музеализация сталинизма в современной Литве, Еврейский музей и Холокост в практиках памяти после обретения независимости, ритуал 9 мая в Литве как праздник победы и как День Европы.

Одно из наиболее заметных противоречий в литовском ландшафте воспоминаний – отношение к Второй мировой войне. Для Европы это центральное событие XX века, а Холокост – важнейший объединяющий негативный исторический опыт и одна из отправных точек современной общеевропейской исторической идентичности⁷. В современной Литве мы видим несколько иное восприятие войны: события 1941–1944 гг. представляются военными действиями между двумя оккупационными силами – нацистским Третим Рейхом и СССР. В книге отмечается, что война больше не является «предметом визуализации истории в музейной форме». Так, в 2000 г. был закрыт последний музей-мемориал сожженной в 1944 г. деревни Пирчюпис (S. 275). Война, как подчеркивает автор, оказалась в современной Литве «фигурой умолчания». О войне сегодня напоминают лишь военные мемориалы и массовые захоронения, поддержка которых оказалась полностью на плечах русской общины и посольства РФ в Литве.

⁷ Ассман А. 2011. С. 279.

История Литвы оказывается сегодня историей национальной борьбы против целой череды «оккупаций»: Литва в составе Российской империи, польская оккупация Вильнюса после Первой мировой войны, немецкая оккупация и, наконец, советская оккупация. Причем последняя официально именуется «геноцидом», и здесь советский «геноцид» сравнивается с немецким «геноцидом» евреев. Книга демонстрирует проявления теории двух геноцидов в музейной визуализации. В здании музея Девятого Форта Каунаса в 1940–41 гг. была тюрьма НКВД, а в период немецкой оккупации оно стало местом массового уничтожения людей. Сегодня Девятый форт – это «двойной музей-мемориал», который по замыслу его реконструкторов, должен показать как два режима совершали преступления против человечности. Интересно, что полная смена концепции музея не повлияла на состав его сотрудников – работники советского времени просто перешли в «отдел оккупации» и сегодня отвечают за новую выставку. Также примечательно, что репрезентация советского времени в музее построена на тех образах, которые в свое время использовались в выставке «Красный террор», демонстрировавшейся в военном музее Каунаса в период нацистской оккупации в 1942 г. (S. 286). По соседству с этой выставкой, за пределами нового здания музея, в здании бывшей крепости, располагается выставка о Холокосте, подготовленная при участии музейных работников из Израиля.

Однако было бы неправильным сделать вывод, что с крушением советской системы в Литве тема Холокоста получила свое всестороннее и комплексное развитие. В историческом сознании литовского общества Холокост является «выученной», но не пережитой памятью, «чужой» историей, «скорбью погибших соседей» – таков вердикт автора монографии. Так, в отношении мест еврейской памяти отмечается: «Эти места были и остаются значимыми только для оставшихся в живых евреев. В литовском обществе они не наталкиваются на большой интерес <...> национальный дискурс о еврейских жертвах по-прежнему протекает в Литве как дискурс о трагедии, которая касается лишь “соседей”» (S. 364). Здесь обнаруживаем две параллельных истории Литвы, рассказываемые в двух разных отделах единого Государственного Еврейского музея («Зеленый Дом» и Центр толерантности), которые изначально с разных позиций интерпретируют тему взаимоотношения евреев и литовцев. «Зеленый Дом» – это восстановленный в октябре 1989 г. Еврейский музей в Вильнюсе. Его миссия – рассказать об уничтожении евреев в Литве. Музейная экспозиция представлена личными фотографиями, письмами и отрывками из дневников, сохранившихся в архивах музея Революции. Здесь также можно увидеть личные вещи еврейских партизан. Музей репрезентирует, прежде всего, «выстраданную память» уцелевших литовских евреев. Он быстро стал местом встреч спасшихся литваков со всего мира. Автор книги подчеркивает,

что музей выполняет важную историко-политическую функцию – его основание позволяет идентифицировать литовских евреев с шестью миллионами жертв Холокоста, а также служит зримым доказательством всех попыток отрицания Холокоста в Европе. Важно, что музей затрагивает «неудобную» сегодня тему литовского участия в Холокосте. Однако у Государственного Еврейского музея есть еще один филиал, который оказался более востребован в исторической политике современной Литвы. «Центр толерантности» – так был назван этот музей, важнейшей миссией которого является презентация векового добрососедства литовцев и евреев. Еврейская культура в концепции этого музея оказывается как бы «интегрированной» в культурное наследие Литвы. Речь идет о Литве как о «древнем мультикультурном государстве» и взаимном культурном обогащении литовцев и евреев в ходе длительной истории Литовского государства. Автор книги подчеркивает, что дискурс «выстраданного воспоминания», представленного в экспозициях «Зеленого Дома» все больше вытесняется сегодня государственной исторической политикой в «частную сферу» (S. 378-379). В этом случае, музеи Холокоста могут ждать те же проблемы, что и большинство советских музеев Литвы, которым просто урезали или прекратили финансирование. Впрочем, именно тема Холокоста, судя по материалам Екатерины Махотиной, является важнейшим проводником общеевропейских и глобальных тенденций исторической памяти в коммеморативное пространство современной Литвы.

Интернационализация памяти о Холокосте и Второй мировой войне особенно зримо ощущается в Литве в мемориальном музее Понары. Книга позволяет составить достаточно целостное представление и об этом трагическом месте памяти на карте Европы. Понары – место казни 70 тыс. человек. История музея Понары – история советского, а затем и постсоветского отношения и к памяти о Холокосте, и к памяти о Второй мировой войне в Литве. Недолгая история первого еврейского памятника, установленного в 1945 г. (взорван в 1952). До 1962 г. Понары – место встреч и неофициальных воспоминаний евреев со всего мира. В 1962 г. был установлен черный обелиск с лаконичной надписью «Жертвам фашистского террора». В 1985 г. – реконструкция. Еще одна – в 1991 г. Только после обретения независимости здесь появляется стела с надписями на идише, русском и литовском, поясняющая, что среди убитых – 70 тыс. евреев. Екатерина Махотина отмечает, что сегодня это место памяти и памятник – официальное место поминовения жертв Второй Мировой Войны на 8 Мая и на 23 Сентября – день памяти жертв Холокоста в Литве. Здесь проходят Дни Памяти с участием иностранных делегаций, традиционный Марш Живых Израиля. Мемориал в Понарах является не только важным символическим топомом в универсальной, глобальной памяти о Холокосте, но и оставшимся

единственно значимым местом проведения официальных церемоний памяти жертв Второй Мировой войны в Литве. В случае проведения литовским правительством мемориального мероприятия 8 мая в День Памяти и Примирения, оно проходит в Понарах, связывая тем самым память о войне исключительно с трагедией Холокоста. Есть в Понарах и памятники погибшим полякам, расстрелянным евреям. Есть здесь и скромный памятник семи тысячам погибших здесь советских солдат. Каждая группа жертв имеет собственные дни памяти, собственные памятники, у которых она соблюдает свои ритуалы: для литовцев это 20 мая – день памяти об убитых в этот день солдатах Литовской Народной Республики, для поляков – 3 мая и 1 ноября, для русских – 23 февраля, а также 8 и 9 мая. Таким образом, «Понары остаётся сложным и многообразным местом памяти, в котором встречаются и пересекаются самые различные культуры воспоминаний» (S. 386).

Отдельное необходимо сказать о ситуации вокруг празднования 9 мая в Литве. Эта часть книги будет особенно интересна именно для российского читателя. Автор показывает, насколько сложным продолжает оставаться интеграция праздника 9 мая в официальную историческую политику в Литве – в ситуации, когда одна «оккупация» сменилась другой. Описывается отношение к Дню Победы в разных социальных группах литовского общества, имеющих свои культуры воспоминаний, а также на фоне сложной ситуации с юридическим статусом советских военных захоронений. Уже в 1990-е годы, несмотря на важное значение 9 мая для русскоязычных литовцев, правительство начало рассматривать празднование этой памятной даты как форму «непатриотичного отношения» к Литве. Официальная историческая политика была выстроена вокруг даты 8 мая 1945 г., правительственные делегации отказались ехать в Москву на юбилейные торжества Дня Победы. Автор свидетельствует о том, что именно коммеморация Дня Победы оказывается в современной Литве фактором консолидации русскоговорящего населения. В книге описано интересное явление – рост виктимизации среди ветеранов, что является реакцией на анти-советскую историческую политику. Вообще, в современной Литве вокруг 8 и 9 мая можно говорить о формировании нескольких культур воспоминаний: культуры воспоминаний советских ветеранов, культуры воспоминаний ветеранов войск СС, культуры воспоминаний еврейской общины, а также бывших солдат Армии Крайовой.

Исследовательский замысел Екатерины Махотиной в полной мере оказался реализованным в ее книге. Однако значение книги – не только в полноте раскрытия заявленной проблемы. Эта книга – яркий пример того, что прошлое продолжает оставаться «неприрученным», не укладывается в стройные линии исторической политики, официальных конструкций памяти и научных дискурсов. Прошлое возвращается

к нам как альтернативная память, как личностный взгляд на свою биографию и эпоху, как память поколения, которое не может забыть. Такое прошлое чутко реагирует на вызовы современности, образуя с ним живую и неразрывную связь.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 328 с. [Assman A. Dlinnaya ten' proshlogo: memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2011]
- Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 408 с. [Brubejker R. Jetchnost' bez grupp. M.: Izd. dom Vysšej shkoly jekonomiki, 2012]
- Bubnys A. The Holocaust in Lithuania between 1941-1944. Vilnius: Genocide and Resistance Research Centre of Lithuania, 2008. 52 p.
- Levin D. Lithuania // The World Reacts to the Holocaust. Baltimore 1996. P. 325-352.
- Makhotina E. Erinnerungen an den Krieg – Krieg der Erinnerungen. Litauen und der Zweite Weltkrieg. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2017. 478 S.
- Porat D. The Holocaust in Lithuania. Some unique aspects // The final solution. Origins and Implementation / Ed. by David Cesarani. London 1994. P. 159-174.
- Schudson M. The Present in the Past versus the Past in the Present // Communication. 1989. No.11. P. 105-113.

Линченко Андрей Александрович, кандидат философских наук, доцент, научный сотрудник Липецкого филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Липецкий филиал Финуниверситета); linchenko1@mail.ru

The past, which does not leave: memory of the War and Holocaust in Lithuania

The article is a review of the monograph by E. Makhotina (Makhotina E. «Erinnerungen an den Krieg – Krieg der Erinnerungen: Litauen und der Zweite Weltkrieg». Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 2017. 478 p.). The monograph is the first fundamental study of the holistic context of the interaction of official historical policy and various memorial cultures in Lithuania throughout its half-century history (1945-2015). The author of the book seeks to overcome the thesis of radical constructivism about the total construction of historical memory, showing the important role of alternative versions of historical memory, counter-memory and memorial cultures that do not fit into the space of influence of official historical policy. The idea that the contradictions and conflicts of memory in post-Soviet Lithuania can hardly be productively studied outside of a detailed study of the hidden and obvious contradictions in the historical policy of the Soviet period, its degradation and devaluation in the era of gaining independence, is substantiated. One of the most important conclusions of the monograph is the recognition of the fact that in the historical consciousness of modern Lithuanian society the Holocaust is a "learned", but not experienced memory, an "alien" history, the mourning of the dead neighbours.

Keywords: Lithuania, Holocaust, historical memory of the War, the culture of memory, historical consciousness

Andrei Linchenko, PhD (Philosophy), Researcher at the Federal State Funded Educational Institution of Higher Professional Education "Financial University under the Government of the Russian Federation", Lipetsk branch; linchenko1@mail.ru